

Дмитрий
Кучеренко

"Покалеченная
весна"

176

иллюстраций

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Алексеевич Кучеренко

Покалеченная весна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67471163

SelfPub; 2023

Аннотация

Перелистывая книгу, по которой сняли фильм, мы подсознательно рисуем в воображении действующих лиц. В "Трёх мушкетёрах" , Д'Артаньян, естественно, Михаил Боярский. Вот мы уже видим как он гонится за гвардейцами, придерживая рукой широкополую шляпу. Маргарита Терехова самозабвенно отыгрывает: "Ах если бы я стреляла в вас... Я стреляла в лошадь". Как не отметить в этом списке и Шерлока Холмса? Он непременно разговаривает неподражаемым голосом Василия Ливанова. Эти актеры сыграют ещё немало ролей, но дадим шанс и ушедшим от нас кумирам. Они смогут предстать перед нами в любом своём воплощении, как, например, Дмитрий Марьянов. Он представлен в подростковом возрасте, когда он блистательно играл в фильме "Выше радуги". Наталье Гундаревой 18, а Олегу Янковскому 25 лет. Андрей Краско, напротив, в более зрелом возрасте. Перевернув последнюю страницу, вы ощутите послевкусие хорошего, советского фильма.

Содержание

Глава 1	32
Глава 2	110
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Дмитрий Кучеренко

Покалеченная весна

Для полноты восприятия, автор счёл нужным указать актёров, которых он видит в образах некоторых героев.

Кириллов Пётр Григорьевич – Олег Янковский.

Бондаренко Александра Архиповна – Наталья Гундарева.

Никонов Александр Николаевич, комбат – Андрей Краско.

Вохров Владимир Павлович, политрук в начале произведения – Андрей Панин.

Войков Иван Алексеевич, вернувшийся политрук – Юрий Богатырев.

Дядя Миша – Георгий Юматов.

Николай – Василий Шукшин.

Дубовы Александр и Алексей – Владислав Галкин.

Егорка – юный Дмитрий Марьянов.

Фриц (Шульц) – Александр Пороховщиков.

Леший – Алексей Смирнов.

Баба Марья – Татьяна Пельтцер.

Гюнтер фон Майер (Бережной Артём) – Олег Даль.

Андрей Чижов – Вячеслав Баранов.

Фёдор – Николай Караченцов.

Кириллов Петр Григорьевич - Олег Янковский

Бондаренко Александра Архиповна - Наталья Гундарева

Никонов Александр Николаевич - Андрей Краско

Вохров Владимир Павлович - Андрей Панин

ВОЙКОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ - ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ

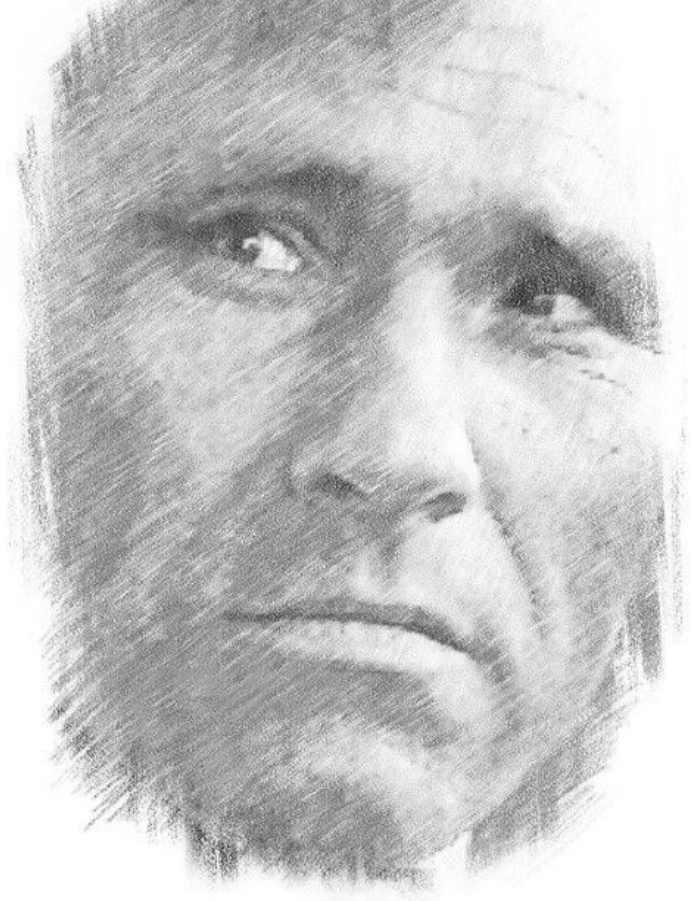
Дядя Миша - Георгий Юматов

Дубовы Александр и Алексей - Владислав Галкин

НИКОЛАЙ - ВАСИЛИЙ ШУКШИН

Егорка - ДМИТРИЙ МАРЬЯНОВ

ЛЕШИЙ - АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

БАБА МАРЬЯ - ТАТЬЯНА ПЕЛЬТЦЕР

Гюнтер фон Майер - Олег Даль

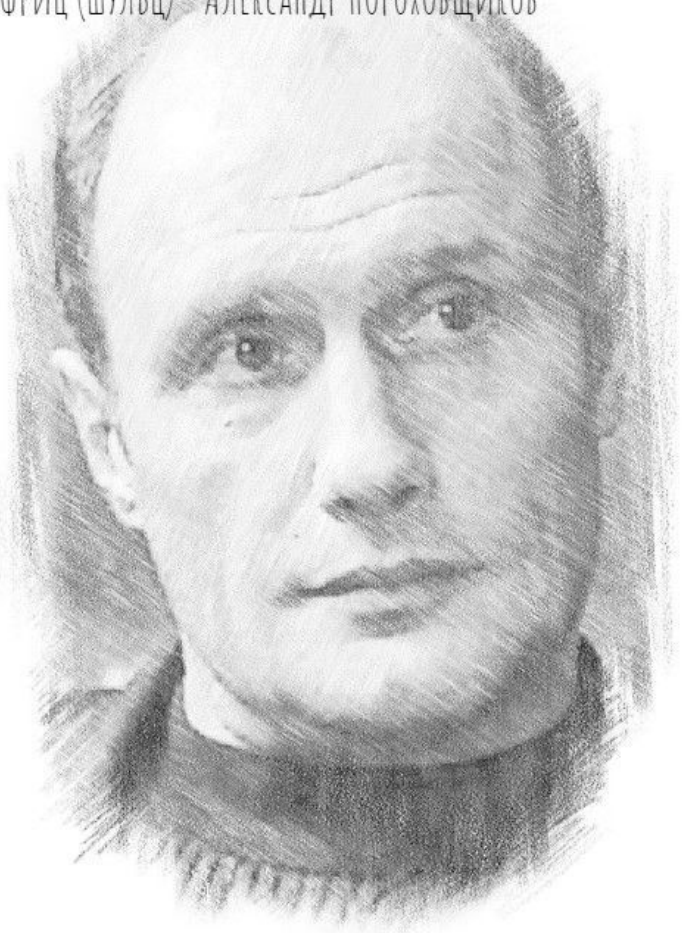
Чижов Андрей-Вячеслав Баранов

Фёдор-Николай Караченцов

Фриц (Шульц) - Александр Пороховщиков

Глава 1

Прохладный ветер качал прошлогодний высохший ковыль. Грунтовая ещё не просохшая после зимы дорога тянулась вдоль пролеска. Из него аккуратно раздвигая ветви руками, выглянул боец в гимнастерке песочного цвета. Убедившись, что вокруг никого нет, он перешёл через дорожные колеи, остановился на траве и взглянул на степь. Всё вокруг готовилось к пробуждению. О зиме напоминали только остатки грязного снега по балкам. Природа просыпалась, собиралась с силами. Красноармеец поднял голову, зажмурился и втянул воздух носом. Пахло мокрой опавшей листвой и полыньёю. Весна.

Сержант закурил. Постояв несколько минут ещё раз посмотрел в чистое небо. Затем вытер лицо пилоткой, опустил глаза и задумался о чём-то своём. Взгляд его выражал сожаление, было видно, что он вспоминает родных ему людей. Боец вздохнул.

–Эх, – хлопнул себя по ноге сложенной пилоткой, затем надел её и вошёл в пролесок так же аккуратно, как и выходил.

– Не доверяю я этому затишью, товарищ старший лейтенант. Несколько дней уже ни фашисты, ни наши не наступа-

ют. Чует моё сердце ничего весёлого и жизнерадостного эти выходные не принесут.

Командир разведроты сидел на бревне и ремонтировал сапог, зажав его ногами.

– Что ты каркаешь как хреновая свекровь, Николай? Тихо значит хорошо. Давно ли мы в тишине сидели? Вон лучше гимнастёрку себе зашей. Будто собаки тебя рвали. Скоро расслабуха кончится. Наслаждайся пока. Оружие почистил? Ходит, слушает. Не дёргай мне нервы.

Сержант с укором взглянул на командира и отошёл чуть в сторону.

– Автомат у меня всегда в порядке. А рваньё для маскировки в лесу ладней, чем воротничок накрахмаленный. Да и некогда было. Сами знаете.

Лейтенант обулся, встал и подошёл к бойцу.

– Ладно. Не серчай, дружище. Глянь лучше, как я сапог починил. Вот что значит руки у человека не из задницы.

– С неделю походит, – усмехнулся тот.

– Видишь братьев Дубовых? Лежат себе, отдыхают. Никого не беспокоят. Золото, а не солдаты.

– Да их и кувалдой не проймёшь. Двое из ларца. Вот так батька постарался, ничего не скажешь, – снова парировал Николай.

– Тьфу на тебя. Ему слово, а он тебе два. Кто из нас командир?

– Вы.

– Я. Вот дойдём до Берлина, все будут шнапс трофейный

пить, а тебя я под арест посажу. За вредность твою и занудство.

Привал для разведроты затянулся на несколько дней, но душевного спокойствия не было. В воздухе висело напряжение как натянутая струна. Хоть и не слышны были как обычно разрывы снарядов и пулемётные трели, но вокруг стоял далёкий гул моторов тяжёлой военной техники. Такой низкий, утробный голос был у наступающей весны. Шла крупная перегруппировка войск. Два титана готовились сцепиться в жестокой схватке и полетят от их удара лбами брызги из человеческих жизней. Никто не будет их считать. Сухая статистика выдаст округлённые цифры, отправятся во все уголки страны похоронки, содержащие заготовленный текст: «был..., служил..., погиб героем».

Командир роты, Кирилов Пётр, осматривал своё подразделение.

В основном новобранцы. Люди гибли, их место занимали другие, но были и старожилы, тёртые калачи которых просто так не возьмёшь. Они шли с ним бок о бок с того момента как линия фронта медленно, тяжело, но всё же стала двигаться на запад.

Савостин Николай. Опытный, умелый разведчик. Бесчисленное количество раз он выручал в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Из цирковой семьи. Человек-смекалка. Как в его мозгу складывается решение, никто не знает. Рядом дремлют, положив под голову вещмешок, братья Дубовы. Алексей и Александр. Погодки, но похожи как две капли. Деревенские, простые ребята. Действуют чётко, бесхитростно, прямо. Каждый из них способен побороться с годовалым бычком. Тут же, с ними расположился Тимченко Михаил. Рачительный хозяин. Глава большого семейства. Знает и может всё. Это он научил когда-то новоприбывшего, зелёного лейтенанта «починять» сапоги. Сам Кириллов, человек образованный не только в рамках программы военного училища, но лёгкий и простой в общении. Может найти подход к каждому, не зависимо от его социального положения. Правильный, разумный офицер.

Тимченко подсел к командиру:

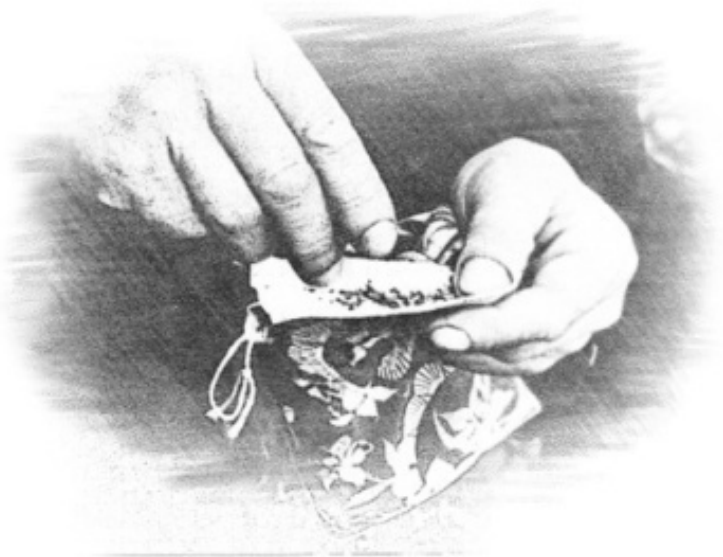
–О чём задумался, старшой?

–Не знаю я, что делать с этими пацанами, дядя Миша. Как их в разведку посылать то? За неделю третья группа не вернулась.

–По другому не будет, – ответил солдат, – немец по шапке получил, назад пятится. Партизаны наши им тоже перекурить не дают. Вот они бдительность и усилили. Это в начале войны они вперёд бежали ни на что не оборачивались. Сейчас другое дело. Сдюжим. Нам деваться некуда. Подучим ребят и вперёд.

–Успеть бы. Ладно, прорвёмся. Табачок есть?

–Как же не быть? На днях только новый кисет пошил.

–Всё у тебя настроено, всё по полочкам, – улыбнувшись, сказал Кириллов, – когда успеваешь?

–А я не стараюсь. Само получается. Доставайте газетку, Пётр Григорьевич.

Спокойствие прервал крик бегущего к ним солдата.

–Товарищ старший лейтенант. Там это. Крестник ваш. Не знаем что делать.

–Что дышишь как конь загнанный? – прервал его Пётр. – Объясни нормально. Что? Где? Ёш твою медь!!!

–Возле штабной землянки. Там.

Кириллов не стал дослушивать запыхавшегося бойца и рванул с места в указанном направлении. Он бежал и видел толпу бойцов собравшихся у отдельно стоявшей на поляне берёзы. Какие мысли появлялись в голове за это время, один Бог знает.

– Где он? Что случилось?

Комбат стоял с невозмутимым видом и смотрел на Петра с удивительным спокойствием.

– Всё нормально. Висит.

– Кто висит? Где? Товарищ подполковник, хоть вы объясните, что творится вообще? Егор где?

– Вон он крестник твой. По берёзам за белкой гоняется.

На дереве, обхватив ветку руками и ногами, висел Егорка, зажмурив глаза. А на самом верху метался зверёк.

– Ты что там делаешь?

– Б. Белку хотел поймать.

– Зачем?

– Чтобы она у нас жила. У неё хвост красивый и прыгает шустро.

– Заняться нечем? Ты же на посту стоишь у штаба.

– Я быстро хотел. Ей отсюда деться некуда.

– Слазь! – крикнул Кирилов.

– Не могу. У меня руки не разжимаются, почему-то.

– Ты что, высоты боишься?

– Наверное, – робко ответил Егор.

– Так какого хрена полез?

– Я не знал что боюсь.

Пётр бессильно развёл руками. Никонов Александр Николаевич, командир батальона, человек суровый и бескомпромиссный, битый фашистами и бывший фашистов, стоял и тихо смеялся, пустив слезу.

– Что делать теперь?

– Не знаю, – сдавлено ответил комбат и закатился смехом в голос.

Подошёл Николай.

– Чего ждём? Сам он не слезет. Сейчас руки, ноги затекут, вообще плохо будет.

Посыпались предложения возможных вариантов спасения Егора.

- Давайте его жердью сковырнём.
- Убьётся же. Тут метров пять.
- Можно попробовать камнем сбить.
- У тебя голова есть? Вот по ней камнем и постучи.
- Верёвка нужна.
- Точно. На него накинём и сдёрнем.

– Ну, хватит, садисты, – комбат вытер слёзы, – говори Коля.

– Надо петлёй его вместе с веткой стянуть, конец перекинуть выше, где берёза в рогатку переходит. Потом отпилить ту, на которой «верхолаз – высотник» и придерживая аккуратно спустить.

– Давайте в хоз взвод за инструментом, – скомандовал Никонов.

Принесли верёвку. Перекинули её через Егора, сделали петлю и аккуратно протягивая, стянули его с веткой. Теперь они не могли упасть порознь, только вместе. Перекинули конец через рогатину, трое солдат взялись придерживать. Вдохновителя идеи спасения ловца диких животных, отправили на дерево, пилить.

– Стойте, – крикнул Кириллов. – Давайте полуторку поставим под ним. Всё – же не так высоко падать будет. Да и тент, если что, удар смягчит.

Так и сделали. Подогнали машину. Все расположились вокруг полукольцом, дабы лучше разглядеть происходящее. Савостин залез на дерево, огляделся.

- Не стойте как в цирке, держите, – и начал пилить.
- Товарищ подполковник, разрешите обратиться.
- Чего тебе?
- Надо повара судить за мародёрство.

– Ты что мелешь? – возмутился кашевар. – Голову ветром продуло?

– Я предполагаю, что дрова они у местного населения воруют. Такой тупой ножовкой год елозить надо, чтобы кашу сварить.

– Пили, давай шутник. Смотри, у Егора уже глаза закатываются.

– А я бы на его месте вообще слазить не стал. Потому как ждёт его на земле грешной хорошая затрещина от отцов командиров.

Пропилив больше половины, Савостин крикнул.

– Отпустите чуток, пилу зажало.

Отпустили. Раздался хруст и испуганный вопль.

– Поберегись!!! – прозвучал из толпы окрик лесоруба.

Ветка вместе с сыном полка рухнула на полуторку. Прорвался полог и по окрестностям пронёсся грохот удара об дно кузова.

– Ты там живой? – с жалостью в голосе спросил Пётр.

– Не знаю. Вроде ударился, а ничего не болит. Наверное, в голове, что-то страхнулось. Меня что теперь из армии выгонят?

– А ну вылазий оттуда, растудит твою в качель. Сейчас расстреляем тебя к ядрене Фене, чтобы дурью не маялся. Нет. Сначала полог зашьёшь, потом неделю один будешь дрова пилить для кухни вот этой тупой ножовкой, а потом расстреляем, – выругался комбат.

Планерист – любитель, кряхтя, вылез из кузова.

– Товарищ подполковник, я не хотел. Оно само как то получилось.

– Само. Ты на посту должен быть, а не по деревьям лазить.

– Виноват.

– Естественно виноват. Это и не обсуждается. Иди отсюда, чтобы глаза мои тебя не видели.

Никонов хоть и ругался иногда на Егорку, но все равно относился к нему как к сыну или младшему брату. Не очень давно, когда батальон шёл от Сталинграда, из пепелища сгоревшей хаты услышали не громкий крик. Разгребли останки дома и из погребца достали голодного, измученного подростка. Родных не было, идти некуда, так и остался в батальоне. Помогал везде, чем мог. Боеприпасы грузил, бегал посыльным. Шустрый, безотказный пацан.

Кирилов подошёл и стал отряхивать парня.

– Ничего не сломал себе? Укротитель.

– Нет, вроде. Только муторно как то.

– Наверное, лбом долбанулся. Ничего, пройдёт. В твоём случае это не опасное ранение. Иди, умойся. Вон всё лицо расцарапал.

За всем происходящим со стороны наблюдал, начальник полит отдела майор Вохров Владимир Павлович. Человек новый. Но уже успел отправить несколько солдат в штрафбат. Карьерист, не постоит за ценой ради повышения по службе. Постоянно находится в догоняющем положении. Порох нюхать не любит. Его предшественник, наоборот, всегда находился в самой гуще событий, поэтому был тяжело ранен и комиссован на гражданку. Однако уговорил командование остаться на службе, хотя бы в тылу.

– Что там, товарищ подполковник? – спросил майор, сде-

лав вид, что не в курсе. Это его излюбленный способ сбора информации.

– Да нормально всё, только полог на полуторке порвали, идиоты. Но я им устрою ещё.

– Да, да. Понял.

Майор стоял и прикидывал в голове, какими плюсами и минусами для его карьеры может обернуться данная ситуация. Как бы всё сделать красиво и безболезненно для себя. Ведь могут спросить: как ты товарищ политрук, допустил разгильдяйство и порчу военного имущества во вверенном тебе подразделении?

Нет. Так с ходу пороть горячку нельзя. Надо всё хорошо обдумать, а потом брать этого сопляка в оборот.

Вохров подошёл к Егору и спросил, участливо положив руку ему на плечо:

– Что, не сильно ударился? Александр Николаевич ругался, я слышал. Зачем ты туда полез?

– Да нет. Это он для порядка на меня шумит. Он справедливый. Попилю недельку дрова, а потом снова посыльным на пост стану. Просто белка красивая. Я хотел её ручной сделать. Она бы даже орешки носила, – улыбнулся сын полка.

– Ну, ладно. Зайди ко мне вечером. Поговорим по душам, чайку попьём, мне сахара привезли большой кусок, синий такой. Его щипцами колоть надо, зато вкусный.

– Хорошо, зайду перед ужином.

Кирилов заметил интерес политрука и подождав когда он уйдёт, подозвал к себе крестника.

– О чём он тебя спрашивал?

– Да так, на чай приглашал.

– Аккуратней с ним. Миноётчика Федьку помнишь?

– Ну.

– Вот тебе и ну. Угнали его в штрафбат после такого чаепития. Говори меньше. Полный рот чая набери и булькай. Тебя комбат на службу зачислил и на довольствие поставил, как полноценную боевую единицу. 15 лет исполнилось, значит, судить тебя имеют право. Ты это понимаешь?

– Товарищ старший лейтенант, возьмите меня к себе в роту. На меня внимания никто не обратит, а я всё буду разведывать.

– Посмотрим. Давай осторожней.

Прозвучала команда к построению. Батальон с трудом собрали. За несколько дней вынужденного бездействия бойцы разбрелись по округе. Как матерился комбат, не передать. В этот день он, кажется, вспомнил все бранные слова. Был отдан приказ никуда не отлучаться и по первой команде быть в строю. Тех, кто ослушается, Александр Николаевич пообещал

щал лично высечь ремнем на глазах всего полка. Политрук ходил в стороне и что-то записывал. Это подливало масла в огонь.

Уточнив все распоряжения, и ещё раз проговорив их, «чтобы в каждой бестолковой башке отложилось», Никонов дал команду «разойтись» и ушёл к себе. Солдаты долго ещё стояли, ораторское искусство руководителя начало приносить плоды.

– Слыхали, как заворачивает?

– Да. Человек образованный даже матом красиво выражаться может.

– Его бы к нам на завод. Вот порядок будет...

Командиры рот, а потом и старшины тоже провели воспитательные беседы на своём уровне, «поднимали боевой дух и сознательность» не таким как у комбата художественным исполнением, но похожим образом.

Подошло время ужина. Все выстроились перед полевой кухней. Было много разговоров. Как же? Выдался насыщенный и интересный денёк. Одни обсуждали шикарный слог Александра Николаевича, другие восхищались траекторией полёта укротителя диких, свирепых белок. Тем было множество. Егор не обижался на сослуживцев, а вместе с ними хохотал. Иногда хватался за ушибленные рёбра и кряхтел, чем ещё сильнее заставлял смеяться своих товарищей.

Получив свою порцию, сын полка пошёл к политруку.

– Здравия желаю, товарищ майор.

– Заходи, заходи. Присаживайся. Чай будешь?

– Нет, спасибо, я не ужинал ещё. Потом с разведчиками попою. Они там по-особому делают.

– Интересно, как же?

– Тимченко дядя Миша заваривает вишнёвые и малиновые молодые веточки. А если в степи чабрец найдёт и добавит немного, то аромат стоит, не надышишься. Батя мой так делал.

– Ладно. Оставим напитки в покое. Рассказывай, – Вохров достал карандаш.

– Вы про что?

– Сегодня днём собрался весь батальон возле себя. Даже дозорные сбежались, с ними будет отдельный разговор. Устроил там цирк, отвлекал внимание командования и лич-

ного состава. Даже на дерево залез. С какой целью?

– Не было такого, – всполошился парень.

– Как же не было? Было. Ты для убедительности даже вместе с веткой упал, что привело к порче военного имущества и выводу из строя, боевой техники. Кстати кто предложил машину подогнать?

– Не помню.

– Ничего, вспомнишь. Хочу тебе сказать, что вражеская разведка часто использует подростков в своих целях. Могли надавить на тебя, пообещать что-то. Ситуации разные. Лучше рассказать всё и обойтись малой кровью, пока далеко не зашло.

– Да что вы такое говорите?

Егорка вскочил. Руки его были сжаты в кулаки.

– Конвойный. Уведи его в сарай. Пусть успокоится, подумает. Завтра продолжим.

Зашёл боец с винтовкой.

– Пойдём. Котелок возьми. До утра долго ещё. Пригодится.

Кириллов вместе со своими бойцами ужинал.

– Что он к этой каше привязался? Время есть, не бежим никуда. Взял бы да щец хороших наварил. Эх, как жинка моя щи варит, не опишешь сразу, – зажмурился и довольно улыбнулся дядя Миша.

– К комбату обратись. Он слова подберёт. Вон как загибал

на построении.

Вся рота поддержала дружным смехом.

– Appetit испортил, зараза. Дай хоть помечтать.

– Хватит вам зубоскалить, – перебил их Кирилов, – Егор пропал куда-то.

– Что ему сделается? Наверное, опять животину какую-нибудь преследует.

– Не всё так просто. Им политрук интересовался. На чай приглашал. Не надо напоминать к чему это ведёт? Все в курсе?

– Что он, пацана судить за шалость будет, не такая же он скотина?

– Дай Бог, чтобы я ошибался, – сказал Пётр.

Подошёл боец из пехоты и отозвал в сторону командира.

– Вам передали, что Егора под арест посадили. Всё-таки крестник ваш. Может, успеете ещё.

– Успеем, успеем. Спасибо, браток. Может табачку отсыпать или ещё чего? Тушёнка трофейная есть. Сейчас принесу.

– Не надо, Петр Григорьевич.

– Знаю я как не надо. Сам этой кашей давлюсь. С мясом вкуснее будет.

Пехотинца наградили гостинцами и отблагодарили.

– Ну? Что теперь? Не такая, говоришь, скотина? Такая и есть.

– Вот сволочь, – прошипел Николай.

Кирилов быстро привёл себя в порядок.

– Я к комбату. Надо делать что-то, а то увезут, тогда не вытащишь. Эх, ну и тварь этот майор, натерпимся мы ещё от него, вот посмотрите.

Кириллов быстро шёл, почти бежал к штабу. По пути за-
скочил к сараю, где держали арестантов.

– Ты здесь, дитё не разумное? – спросил он в тёмную дверную щель.

– Здесь. Товарищ старший лейтенант, он говорит, что я специально всех отвлекал и поэтому на берёзу полез. Потом намекал что я диверсант. Не правда, это. Не верьте ему. Как же я могу? Ведь вы меня с того света вытащили. Я же за вас...

Голос парня был сдавлен. Понятно, что еле сдерживается. От боли бы он не заплакал, натура не та. А вот от обиды, что

оболгать его пытаются, тут и взрослый мужик разрыдаться может.

– Он сам всё говорил. Я даже слова не успел вставить.

– Твою ж мать, вот сволочь. Хуже фашиста. От тех хоть знаешь чего ожидать, а эта вражина в штабе засел. Его самого к стенке надо, тварь поганая. Не бойся. Комбат мужик понятливый. Может, повезёт.

Старлей побежал дальше и влетел в землянку.

– Товарищ комбат, что же эта падла делает?

– Ошалел, что ли? – перебил его подполковник.

– Вохров Егора арестовал.

– За что?

– За то, что он на берёзу залез якобы отвлекать всех и понизить бдительность. В общем, диверсия, не меньше.

– Там каша с поганками на ужин была? Я не пойму.

– Правду говорю, Александр Николаевич.

– Утром разберёмся.

– Увезут его.

– Не увезут без моего ведома. А то, что под арест поместили, это даже хорошо. Ничего не натворит. Может, начнёт понимать, детство кончилось. Пора головой думать, а не задницей. Пусть осознает своё положение. Ещё раз так влетишь ко мне, сам неделю в сарае сидеть будешь. Не посмотрю на твои боевые заслуги. Война войной, а порядок должен быть. Распоясались как колхозники.

– Виноват. Просто испугался за парня.

– А то ты один беспокоишься. Никому больше он не нужен, – саркастически подметил Никонов, – воспитывать надо, а не играть.

– Так точно.

– Прилетел как квочка за цыплятами. Придёшь, будем выяснять, кто диверсант. Свободен.

Кириллов шёл к себе в расположение, держал фуражку в руках и тихо матерился. Ситуация была хреновая и чувство на душе тоже. Он переживал из-за происходящей неспра-

ведливости и неоправданной жестокости. Зачем это всё? Он не понимал. Майор был готов отдать под военный трибунал мальчишку по надуманному обвинению, лишь бы выслужиться и получить благодарность от начальства. Бред. Не должно быть так. Как в дурном сне.

– Как дела, командир? – спросил вышедший на встречу Николай.

– Сидит наш арестант. В диверсии подозревают.

– Чего?

– Того, политрук проявил бдительность и поймал.

– Егора?

– Его самого.

– Как действовать будем? – скидывая с плеча ППШ, поинтересовался боец.

– Отставить. Рехнулся совсем? Никонов сказал, пусть до утра там побудет, о жизни своей подумает. В воспитательных целях, в общем.

– Ну, до утра пускай. Может просветление наступит. А то живёт как потерянный, не осознаёт, чем его детские игры оборачиваются. Пусть лучше сейчас, когда помочь можно и не всё ещё плохо.

– Согласен. Пошли отдыхать. Завтра трудный день. Как бы на марш не отправили, а то трендец.

Сын полка сидел в арестантском сарае и действительно думал о своей судьбе. Как так получилось, что из пустяковой ситуации Вохров сумел вывернуть дело об измене родине?

Кирилов не спал всю ночь, лишь иногда проваливаясь в полудрёму. Только небо стало светлеть, он побрился, напустил сапоги и ждал рассвет.

Солнце неспешно приближалось к верхушкам деревьев. Не дождавшись полного восхода, старший лейтенант пошёл к Егору.

– Стой, кто идёт? – подал голос часовой.

– Не кричи, служивый. Командир разведроты.

– Я узнал.

– Зачем тогда голосишь? – Пётр подошёл ближе.

– Так положено.

– Если бы я сказал, что это Любовь Орлова или Утёсов, не узнал бы?

– Ну, скажете тоже, – замялся солдат.

– Не надо никому знать о моём визите. Понимаешь?

– Так вам здесь быть и не надо. С меня семь шкур спустят.

– Не спустят. Я быстро, – разведчик подошёл к двери.

– Эй, узник, не спишь?

– Уснёшь тут. Как же. Хоть бы соломы сухой кинули, – отозвался тот.

– Давай, не обживайся. Сегодня тебя заберём.

– Спасибо вам.

Сын полка слушал наставления Петра, как первоклассник в школе, иногда кивая.

– Смотри, когда разговаривать с тобой будут, не паникуй, а чётко по делу. Ничего, мол, и в мыслях не было. Просто случайно получилось.

– Понял. А вы меня к себе возьмёте? – оживился Егор.

– Тьфу. Ему одно, а он другое. Из-под ареста сначала надо выйти, а ты уже в разведку побежал. Успокойся и головой думай, прежде чем на вопросы отвечать.

– Хорошо.

Кирилов направился к штабу, по пути обдумывая слова, которые скажет в защиту своего крестника. Выражения, в основном, получались бранные, начинавшиеся: Какого ...? Что за ...? Ещё раз всё прикинув, пришло осознание того, что пусть лучше говорит комбат. Как бы сторяча, не сделать хуже. Его встретил ещё один пост.

– Стой, кто идёт?

– Так светло уже. Не видно? – с досадой в голосе спросил Пётр.

– Видно. Но порядок, есть порядок.

– Ладно. Александр Николаевич проснулся?

– Уже с рассвета с кем-то связывался, и его вызывали. Не спит точно, – часовой говорил шёпотом.

– Настроение как? – Кирилов тоже понизил тон.

– Я бы лучше подождал чуток. Не стал бы сейчас заходить. Пусть кто ни будь, передо мной трендюлей получит, – усмехнулся солдат.

– Ну, подождём, – вздохнул Пётр.

– Я тебе подожду! Заходи, – неожиданно раздался голос Никонова.

– Есть, – отозвался командир разведроты и вошёл приёмом, которым десантируются из самолёта.

Комбат стоял с только что прикуренной сигаретой и выпустил струю дыма в сторону, прищурив один глаз.

– Пришёл, защитник? Зачем так рано?

– Не спалось что-то.

– Рассказывай подробно, что произошло? Из-за чего паника?

– Я всего не знаю, – Кирилов снял фуражку, – вроде замполит обвиняет Егора в измене родине.

– Больные что ли? – закашлялся Никонов, поперхнувшись дымом.

– Смысл такой: якобы тот специально на берёзу залез и отвлекал всех, понижая бдительность, чтобы смогли пройти диверсанты.

– Бред сивой кобылы. Давай сюда этого «коня троянского». Сейчас сознательность повышать будем.

– Там человек от Вохрова стоит. Боюсь, просто так не отпустит, – замялся Пётр.

– С каких пор мои солдаты перестали мне подчиняться и стали слушать политрука? – Удивлённо заметил Александр Николаевич, – пойди и приведи. Будут вопросы, тогда я сам возьмусь за воспитательную работу в батальоне.

Петр пошёл к сараю.

– Служивый, выводи подследственного. Комбат приказал его привести.

– Не могу. Майор Вохров запретил выпускать арестованного до особого распоряжения, – отчеканил солдат заготовленный текст.

– Ладно. Сейчас передам Никонову, что ты требуешь письменное распоряжение. Он сам тебе его принесёт – разведчик развернулся, чтобы уйти.

– Стойте. Не надо. Забирайте.

Кирилов подошёл к двери и отворил её.

– Пойдём. Александр Николаевич тебя на беседу зовёт.

– А это обязательно? – неуверенно спросил сын полка.

– Пошли. Вышка отменяется. Выпорет тебя по-отцовски, раз у меня рука не поднимается.

Егор шёл не охотно, предчувствуя грозу, а Пётр замечая это ещё больше нагнетал и без того серьёзный момент.

– Ничего. Может, умнеть начнёшь и станешь ко всему относиться серьёзней. Терпи, молчи и кивай головой.

– Понял.

Чем ближе подходили к штабу, тем короче становился шаг у сына полка.

– Шуруй быстрее, а то так до завтра идти будем, – подготавливал Пётр.

Караульный встретил их добрым взглядом.

– Отпустили? Здорова.

– Пока не знаю что лучше, – неуверенно ответил Егор.

– Разрешите, товарищ комбат? – Кирилов вошёл и жестом позвал с собой подростка.

– Заходи. Беседовать будем. Ну, излагай свой коварный, тщательно продуманный план по захвату передовых позиций красной армии. Не дурная многоходовочка вырисовывается. В какой школе Абвера проходил обучение и когда был заброшен за линию фронта? – с преувеличенной серьёзностью в голосе спросил Никонов, опершись обеими руками на походный стол.

– Товарищ комбат, вы чего? – выпучив глаза, спросил Егор.

Александр Николаевич продолжил, медленно прохаживаясь по землянке.

– А ничего. Теперь понимаешь, дурья твоя башка, что лю-

бую ситуацию хитрый человек может развернуть как ему надо?

– Понимаю, – опустив взгляд, ответил тот.

– Игры кончились. Ещё раз напоминаю, что ты теперь полноценная единица красной армии и должен нести ответственность за это громкое имя.

Обстановка более чем серьёзная и будет повышенное внимание ко всему, что происходит. К личному составу соответственно. Взыскание тебе обеспечено, жаль розги отменили,

а надо бы некоторых в чувство привести и вернуть на землю грешную.

В землянку вбежал политрук.

– Товарищ комбат, что же это такое? Я пришёл за арестованным, а его нет.

– Доложили уже? Быстро вы себе помощников нашли. Так, Пётр, Егор пока свободны. А вы, Владимир Павлович, оставайтесь. Обсудить надо сложившуюся ситуацию, – распорядился Никонов.

– Есть!

Политрук проводил выходивших свирепым взглядом.

– Потрудитесь объяснить произошедшее? – С осуждением произнёс Вохров.

– Я хочу понять, почему вы позволяете себе арестовывать моих солдат, не посчитав нужным поставить меня в известность, тем более выдвигая такие серьёзные обвинения как диверсионная деятельность? – взорвался Никонов, – или вы думаете, что командир подразделения должен находиться в счастливом неведении? Пусть себе занимается хозяйственными делами, а мы тут пересажаем всех изменников родины к хренам. Я не знаю, как был поставлен вопрос о субординации там, где вы служили ранее, но у нас я должен быть в курсе всего происходящего. Ворона пьяная упала с дерева и первое, что вы должны сделать перед оказанием ей первой помощи, это доклад мне. Пока не требую письменных отчётов.

Политрук замялся. Эти слова обезоружили, он не знал что ответить.

– Но как же?

– А вот так. Вы должны заниматься воспитательной работой среди личного состава, а не развлекаться «охотой на ведьм». До вашего прихода в батальоне не было ни одного дезертира. Ни одного взыскания, только награды за мужество и самоотверженность в борьбе с общим врагом, а теперь всего за неделю двое уже отправлены в штрафбат.

– Скорее, предыдущий политработник не до конца справлялся со своими обязанностями, – осторожно попытался выровнять своё положение майор.

– А я так не думаю. Как вы посмотрите на то, что я составлю доклад в дивизию о служебном не соответствии и преступной халатности?

– Как? – теперь уже у Вохрова было выражение лица стоявшего ранее на этом месте Егора.

– Тогда объясните, почему доблестное боевое подразделение мгновенно превратилось в сборище трусов и предателей? А повышение сознательности и убеждения, это последствия работы политрука, – отрезал комбат стукнув ладонью по столу.

– Мне кажется, вы преувеличиваете.

– Ни капли. Такие, как вы сделали из советской власти монстра пожирающего свой народ. Половину страны в лагерях и расстреляны. Извратили саму идею по созданию спра-

ведливого общества и штампуете врагов как на передовом производстве, успешно перевыполняя план.

– Вы открыто говорите, что против советской власти? – попытался ухватиться за высказывание майор.

– Наоборот. Я как раз против тех, кто её уродует своими кривыми руками и пустыми головами, предназначенными только, что бы фуражку носить. У нас в батальоне вы представитель партии и должны поставить себя как умелый оратор, который поднимает боевой дух и веру в незыблемость великой страны. Вы же умудрились запугать бойцов. Они сейчас думают не о том, чтобы родину защищать, а как бы свои не пристрелили по надуманному обвинению.

– Нет. Я вовсе не хотел... – попытался оправдать себя политрук.

– Что вы там лепечете? – резко оборвал майора Никонов, – додумались. Для повышения авторитета, пацана засудить. Это ж надо вывернуться так, чтобы представить обычное ребячество как диверсионную работу. У вас большая фантазия, Владимир Павлович. Попробуем договориться. Не надо искать врагов у себя. Дайте людям надежду и осознание того, что за их спинами справедливое общество с властью народа. Которое поддержит и позаботится о близких, пока мы здесь защищаем родину. Сделайте что-то реально полезное для страны, а не для своей карьеры.

– Я вас понял, – опустил глаза Вохров.

– Вот и замечательно. Одно дело делаем. Надо дружить.

Свободны пока.

Политрук вышел из палатки и минут десять стоял с пустым взглядом. Он не мог понять, как его, человека с изощрённым умом выставили идиотом? Как подполковник смог найти такие доводы и слова, которые перевернули всё в другую сторону? Ну, ничего. Ещё не вечер. Надо лучше всех узнать. Сходу победить не удалось, придётся занять выжидательную позицию. Майор надел фуражку и отправился к сараю, где недавно держали Егора. Солдат стоял у двери и понимал, что сейчас ему достанется по первое число.

– Здравия желаю. Происшествий не было, – неуверенно доложил часовой.

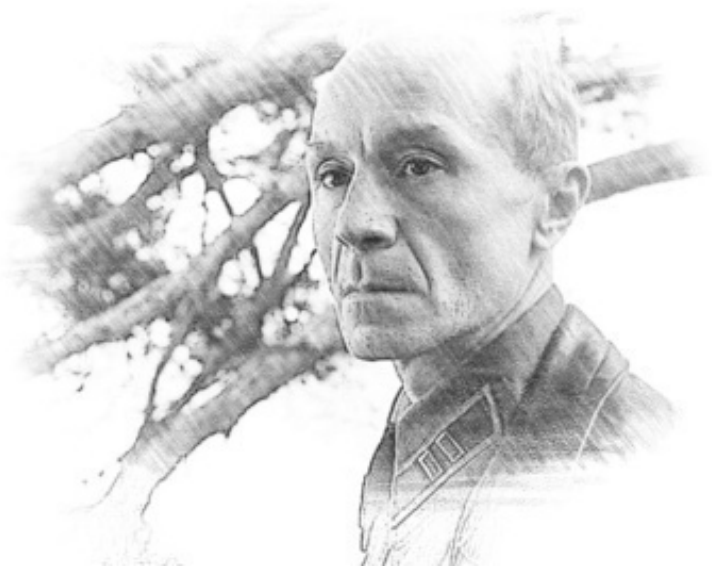
– Не было говоришь? – рявкнул политрук, – где арестованный?

– Его в штаб забрали.

– Сам Никонов?

– Никак нет. Старший лейтенант разведчик приходил за ним.

– Откуда ты можешь точно знать, что это поручение комбата? – Вохров почти вплотную к лицу, спросил у бойца.

– Так как же?

– У тебя был чёткий приказ. Я русским языком сказал, что до особого моего личного распоряжения никто, никуда не может забрать его. Или ты намеренно ослушался? Могу объяснить, чем заканчивается нарушение прямого приказа при несении караульной службы.

– Я не нарушал. Это лейтенант всё сделал, – пытался оправдаться боец.

– Значит смотри. Я обрисую сложившуюся ситуацию подробно. Ты сейчас в двух шагах от трибунала и исправить

положение может только один человек. В данном случае это я. Что делать будем? – спросил политрук.

– Товарищ майор, Владимир Павлович, я отслужу. Искуплю кровью. Не надо трибунал. У меня семья дома. Я же добровольцем пошёл.

Вохров был непреклонен.

– О семье он вспомнил. Мать старушку ещё приплети.

– Нет матери у меня давно, – опустил глаза, тихо ответил солдат.

Политрук понимал, что теперь этот человек полностью в его власти.

– Хватит скулить. Чужие проблемы мне не интересны. Сделаем так. Ты держишь ухо остро и докладываешь мне обо всех происшествиях, разведроту берём на особый контроль. Но учти, ты сам на карандаше. Придержим пока твоё нарушение.

– Ясно. – Ответил взмокший от волнения солдат.

Ещё один день без особых изменений на фронтах. В сводках было тихо и напряжённо, все чего-то ждали. Но жизнь шла. Кто-то предавал, кто-то спасал друзей. Каждому своё.

В батальоне политрук снова пытался найти «вредителей». Теперь полевая кухня оказалась под ударом. Кириллов опять вступил в интеллектуальную схватку с Вохровым. Узнав это, комбат вызвал их к себе.

– Вы какого хрена здесь устроили? Что за идиотизм? У вас

много свободного времени появилось, как я заметил. Пару дней пули не свистят, так вы друг друга стрелять начнёте. Но учтите, дуэли не будет. Я вас сам в расход пушу перед строем.

– Александр Николаевич, – начал свою речь Вохров, – я постараюсь вам всё объяснить. Утром на полевой кухне мною был установлен факт неправильного хранения продуктов, что могло привести к их порче. Если бы этим накормили бойцов, то все сидели бы не в окопах, а в речке отмывая задницу.

Пётр огорчённо развёл руками.

– Крупу, о которой вы говорите, привезли уже в таком состоянии. И повар наоборот хотел просушить и просеять. Поэтому и рассыпал её на полог. Но не уследил, отвлёкся и пёс, которого на кухне прикармливают, залез и улёгся на куче.

– Таким образом, на лицо халатность, – продолжил майор, не обращая внимания на разведчика, – придётся принимать меры и я обязан об этом доложить.

– Ясно. Меры примем, – вздохнул Никонов, – что за сплетня бабская ходит о шпагах?

– Это проскочило в моём разговоре с лейтенантом, – от-

ветил политрук, – он смел заметить, что раньше допускались дуэли между офицерами разными по званию и должности. Видимо солдаты слышали. Но это пустой трёп, не более. Я бы себе никогда не позволил. Есть альтернативные способы решения проблем с подчинёнными.

– Да уж конечно...

– Отставить, – прервал их Александр Николаевич, – Пётр Григорьевич будет примерно наказан. С кухней я разберусь. Последнее время и правда, снабжение из рук вон плохо отлажено. Если бы не трофейные продукты, то все бы с дизентерией бегали по кустам. Побочный эффект любого быстрого продвижения войск по выжженной земле. Не успевает обеспечение за нами, отчасти, поэтому и тормознули. Силы подтягиваем. Пётр, свободен пока. Перед полуднем находится в пределах видимости от штаба.

– Есть.

Командир разведроты вышел, а комбат с политруком продолжили разговор.

– Я всё понимаю, Владимир Павлович. Сказывается общая нервозность. Но вы человек грамотный, должны не допускать конфликта с подчинёнными.

– По-моему, младший командный состав обязан держать себя в руках и не позволять осуждающих высказываний о действиях своих начальников. Я требую адекватных мер с вашей стороны или я сам.

– Не горячись. Возможно, наказывать будет некого. Сей-

час должен посыльный из полка прибыть с распоряжениями о дальнейших действиях. Надо разведгруппу отправлять, обстановку прощупать. Ведь пока мы стоим, противник окапывается и есть данные, что глубже в тыл возведены приличные фортификации. Можем нарваться так, что голову не поднимешь.

– Значит, к наступлению готовимся? Тем более надо дисциплину усилить, – добавил Вохров.

– Вы опять всё не так поняли, товарищ майор. В прямых

боевых действиях участвовать не приходилось? – Никонов пытался разрядить обстановку.

– С автоматом не бегал, но у нас сейчас вся страна один большой фронт, от завода до колхоза.

– Громкие слова говорите, Владимир Павлович. Ясное дело, что в данной ситуации отдыхать никому не придётся. Но я о другом. В реальном бою поневоле начинаешь жаться к своим. Кирилов правильный офицер, хороший тактик. Вы присмотритесь к нему с другого ракурса. Со своей стороны обещаю поставить его на место. Впредь пререканий не будет.

Политрук поправил фуражку.

– Хотелось бы.

Тем временем Пётр подошёл к своим бойцам.

– Что там, товарищ старший лейтенант? – спросил Савостин Николай, – снова кого-то под расстрельную статью подводят?

– Пока что повара отбили. Но вы осторожней со словами. Этот что угодно переиначит как ему надо.

– Так мы вообще молчим, нам скорей бы до Берлина смотреться, и домой, – мечтательно произнёс Тимченко.

– Опять по шам соскучился?

– По жинке, которая их готовит, больше, – вздохнул дядя Миша.

Трофейный мотоцикл подъехал к землянке. Никонов услышав его, вышел встречать.

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Разрешите?

– Здорова. Заходите, – поприветствовал гостей комбат, – рядовой, майора Вохрова ко мне и командира разведроты найди, пусть здесь рядом ждёт.

Часовой побежал исполнять поручение.

Кирилов ходил около штаба и ждал вызова. Что там будет? Задание или нагоняй за конфликт с политруком. Хоть

бы в разведку отправили. Там хоть всё понятно, здесь свои, а там враги.

– Пётр Григорьевич, вас просят зайти.

Тот кивнул часовому и поторопился внутрь.

– Товарищи офицеры...

– Входи, входи. Давай без церемоний. Ты тут всех знаешь, – по-хозяйски распорядился Никонов.

На столе была разложена карта местности, вокруг стояли полковые штабные офицеры, комбат и чуть в стороне политрук с хитрым взглядом. Было понятно, что речь пойдёт не о нём.

– Смысл такой, – начал подполковник. – На ближайшее время назначено продвижение вперёд. Пока отлаживается вопрос о взаимодействии подразделений, тебе ставится задача прощупать почву. Так как времени у немцев для выстраивания обороны было предостаточно, они там нагородили, дай Бог каждому. Нам не надо попасть ни в кольцо под перекрёстный огонь, ни на минное поле. От нас ждут решительного прорыва, заминок и неожиданностей надо по возможности избежать.

– Я бы на вашем месте не слишком на него надеялся, товарищ подполковник, – подал голос Вохров. Штабные удивлённо переглянулись.

– Объяснитесь.

– Дело в том, что несколько разведгрупп, которые курировал «данный гражданин», не вернулись с аналогичных за-

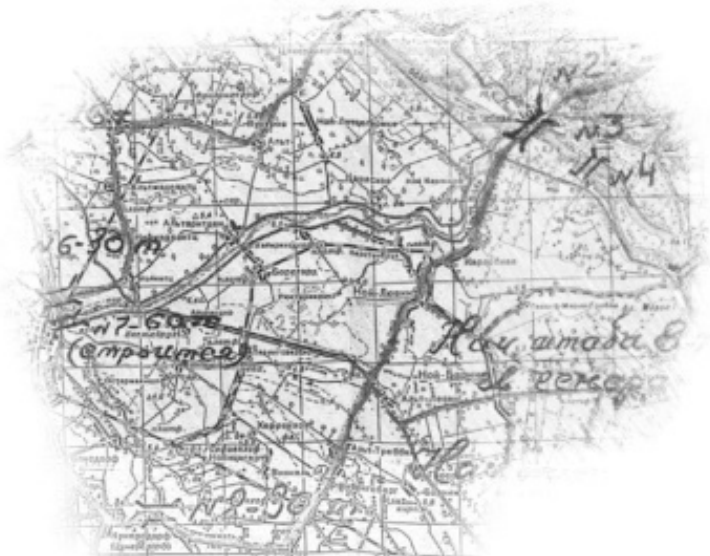
даний. Поводить носом в тылу не так сложно. Тем не менее полный провал. Не хочу умалять его заслуг и боевые награды, но факты говорят, что этот специалист отработал своё.

– Ты что мелешь? Пьяный что ли? – удивился Александр Николаевич, – это в тылу носом поводить просто? Да они там уже в лицо друг друга знают. Патрули с собаками на каждом шагу, «отработал своё». Мне тебя назначить ответственным?

– Я не об этом говорю. По моему мнению, старший лейтенант не заслуживает доверия, – не унимался Вохров. Он старался блеснуть своей решимостью перед штабными.

– Мнение при себе оставь, раз не имеешь реальных предложений, воду не мутить, – отрезал комбат.

– Ввиду серьёзности положения, разрешите лично возглавить группу, – прервал их командир разведроты.

– Разрешаю и даже настаиваю, – Никонов грозно посмотрел при этом на Вохрова, который виновато отвёл глаза, – подходи, вместе обмозгуем возможные варианты действий. По обновлённым данным, построение фортификационных сооружений у немцев курирует новый специалист. Толковый инженер с нестандартным складом ума. Хорошо бы выяснить, где он, но это, пожалуй, вам не удастся. Охрана у него соответствующая, но всё может быть. Учтите и эту возможность, а основной задачей считается перенос на карту минных заграждений, укреплённых и скрытых огневых то-

чек противника. Надо бойцов при наступлении между топтанных и нетоптанных кур провести. Именно для этого вы туда и пойдёте. Понимаешь?

– В общих чертах, картина ясная. Вот тут и вот тут огневые точки и окопы переднего края обороны. Это нам известно, – объяснил Кирилов, указывая на карту карандашом.

– Согласен. Дальше, – одобрил комбат.

– Вот по этому оврагу более удобно перейти линию фронта значит, он заминирован или находится под усиленным контролем.

– Так.

– Исходя из этого, будем переходить вот тут. Здесь брешь между окопами. Опасно, но если осторожно, то можно.

– Ну вот. Чётко и по делу. С взвешенной дальновидностью. Или есть альтернативные предложения, Владимир Павлович? – обратился комбат к политруку.

– Нет альтернативных предложений, – процедил сквозь зубы майор.

– Другого не ждали, – Никонов подмигнул улыбнувшемуся Петру, – иди, готовь группу. В подробности их посвятишь перед выходом. Собирайтесь в стороне, чтоб меньше видели, мало ли. Выдвигаетесь за час до рассвета. Всё. С Богом.

– Есть, – Пётр вышел, предварительно козырнув окружающим.

– Что-то вы часто Бога вспоминаете, Александр Николаевич, – язвительно заметил Вохров.

– А нам сейчас любая помощь не помешает, – ответил тот, даже не обернувшись на своего заместителя, – свободен, майор. Мне с товарищами из полка наедине потолковать надо.

Политрук был очень недоволен. Но последовал приказу и выходя пропесочил часового за внешний вид. Он понимал, всё идёт не так как надо. Может зря напросился на передний край? Но перспектива отображения в личном деле того, что он теперь боевой офицер, фронтовик, пересиливала. Ему и надо всего лишь поймать, какого-нибудь диверсанта или уличить злостного вредителя. Тогда все дороги наверх открыты, можно и обратно в тыл к руководящей работе. А лучше в Москву, на Лубянку. Майор давно себя видел в столице, в руководстве партии или в силовых структурах страны. Разведчик этот как кость в горле. Ничего, ещё не вечер. Надо вербовать ещё пару человек, обложить Кирилова со всех сторон и останется только ждать. Все когда-то оступаются, главное не упустить этот момент и взять его за жабры.

Тем временем разговор в землянке продолжался.

– Что-то у вас не ладное творится в подразделении, товарищ подполковник.

– Всё в порядке, просто парни молодые, кровь горячая вот и подстёгивают друг друга. Скоро сроднятся, как в наступление пойдём, – попытался оправдаться комбат.

– Это понятно, но так, при начальстве, обвинять в не про-

фессионализме своих подчинённых, весомый повод нужен, – настаивал офицер из штаба.

– Говорю же вам, всё исправится.

– Ну, тебе видней, Александр Николаевич. Исправляй, пока хуже не стало.

– Сделаем. Не впервой пацанов растягивать.

– Не будем отвлекать. Готовьте батальон к скорому продвижению. Сидите на вещмешках, в общем.

– Будет сделано. Не сомневайтесь, мы с них пока не слезали, – уверил Никонов.

Кириллов шёл к месту расположения разведроты. Настроение было светлое и радостное от чего-то. Завтра начнётся движение вперёд. Совсем уже затёк с этими «дворцовыми интригами». Привычное дело, по чужим тылам мотаться. Надо полноценно всё подготовить, чтоб комар носа не подточил.

– Старшина, построение, – сходу распорядился Пётр.

– Рота! Становись! Что, наступление? – насторожился старший солдат.

– Сейчас всё объясню.

– Давай бегом! Закисли как опара. Глаза протрите, вашу мать, – ободряя всех, беззлобно подгонял бывалый вояка.

Бойцы строились в шеренгу, на ходу надевая пилотки и поправляя ремни. Наконец все собрались.

– Становись! Ровняйся! Смирно! Товарищ старший лей-

тенант, рота по вашему приказанию построена! Старшина роты, Крюков!

– Вольно, – скомандовал Кирилов, – товарищи, надеюсь, никто не забыл, где мы находимся? Всеобщей расхлябанности, конец. В любой момент двинем дальше. Дубовы Алексей и Александр, Савостин Николай, Тимченко Михаил за мной. Остальным быть готовым к маршу. Старшина, командуйте. Соберитесь, наконец.

– Есть собраться! Ровняйся! Смирно! Что, мухи сонные,

расслабились? Кого увижу шатающимся по округе, семь шкур спущу! Через час проверяю полную готовность обмундирования...

Долго были слышны красочные трели. Опытный боец умел довести нужную информацию простым, понятным языком.

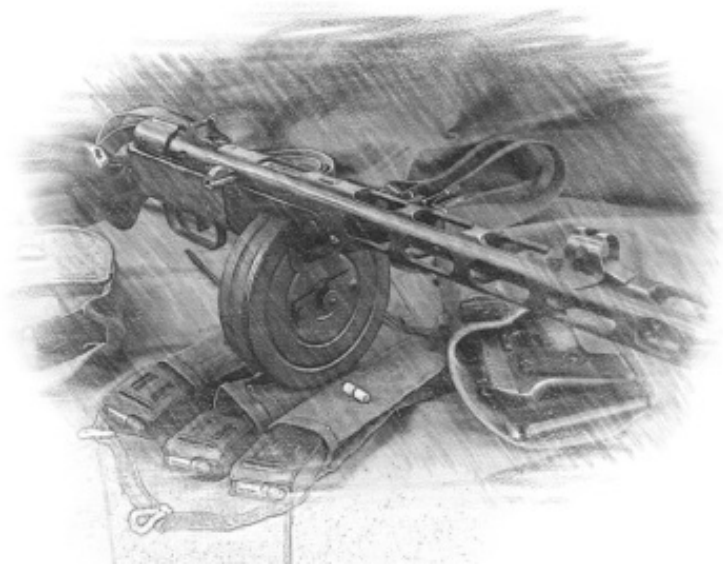
Пётр отвёл группу в сторону.

– Так, мужики. Пламенных речей о чувстве патриотизма, ответственности перед близкими и всей страной, не будет. Это вы сами должны знать, не первый день фашиста вместе гоним. Завтра перед рассветом уходим за линию фронта. Подробности при выдвижении. Сейчас следуем чуть дальше от всех, готовимся и отдыхаем. Всё необходимое доставить в течение получаса на поляну. Всё. Занимайтесь. Там встретимся.

В назначенное время, в указанном месте был разведён костёр. На расстеленных плащ-палатках разбирали, чистили оружие, комплектовали обмундирование и боезапас.

– Товарищ командир, а какие автоматы брать будем, наши или немецкие? Шмайссер, вроде по красивше, – поинтересовался Александр.

– Пока время есть проведу среди вас ликбез, – вздохнул Кириллов.

– Чего?

– Ликвидацию безграмотности. «Пророка нет в своём отечестве». Этой поговоркой можно объяснить нашу тягу ко всему заграничному и если уж называть этот автомат по фамилии конструктора, то правильно будет «Фольмер».

– А вот же клеймо на магазине, – Алексей вертел в руках оружие.

– Шмайссер как раз его только и разработал, но клеймо поставил.

– Хитёр.

– Он штурмовые винтовки сконструировал, кстати, не очень нам подходящие. Чтобы прицелится, надо сильно из окопа высовываться, а если прикладом ударить, то он отколетя сразу. Вернёмся к автоматам. Ёмкость магазина ППШ больше. Убойная сила в два раза превосходит. По скорострельности вообще в отрыве. Пока хвалёный немец делает второй выстрел, наш уже пятый патрон досылает из магазина. И естественно, если стрельба начнётся, то всё равно из чего. Группу раскроют.

– Охренеть, – у Александра округлились глаза.

– Применение в рукопашном бою, отдельный разговор. Вот скажи, чем удобней и эффективней врага по башке долбануть, оглоблей или рамой от велосипеда?

– Оглоблей, – растянулись в довольной улыбке братья Дубовы.

– Вот деревянным прикладом и лупи их гадов, он надёжный. Доводы ещё нужны?

– Понятно. А где, к примеру, на вражеской территории патроны брать если кончатся? – экзаменовал командира Николай.

– А для немецкого, где брать будешь?

– Из оружия поверженных врагов, – многозначительно заметил Алексей.

– Вот и бери вместе с оружием, раз в своём патроны закончились. Или стеснительный?

Поляна залилась дружным смехом бойцов.

– А вообще, техника у немцев отличная, – продолжил командир, – в некоторых сегментах нашу превосходит. Лучшие умы и промышленность Европы над ней работает.

– Но как же? На полит информации говорили, что у нас всё самое хорошее.

– Поэтому и гнали нас до самого Сталинграда, что пусто-брёхи кричали на каждом углу: «мы всех шапками закидаем». Пока не поняли, что шапок на всех не хватает, а иногда и штанов. Нельзя врага недооценивать, лучше перестраховаться, приготовиться к худшему и кое в чём даже поучиться у него. Суворов такие мысли озвучивал. Умный дядька был, скажу я вам.

Александр с неодобрением посмотрел на Петра.

– Чему же могут немцы научить?

– Хотя бы порядку, а у нас, к сожалению, все в разные стороны тянут. Обидно. За правду боремся. Избавляем мир от вселенского зла огромными потерями только по тому, что оно лучше организовано и обеспечение не отстаёт. Вот где засада.

– Всегда так было, – почесал затылок Тимченко, – полный порядок, тоже не порядок. Вот вы говорите, что у них всё настроено и всё по полочкам. Так по этому, можно любой их дальнейший шаг предугадать.

– Соглашусь с тобой. Всё хорошо в меру и если в нужном месте применять. Наш народ не предсказуем своей душевностью, а они этого просчитать не могут. Мало в них души.

От этого и кидаются на нас постоянно, потому что не знают чего от нас ожидать. С перепугу, наверное, – Кирилов улыбнулся старому другу.

– Слишком вы заковыристо объясняете, товарищ старший лейтенант. Так что, пришли к выводу, что мы народ героический?

– Естественно.

– Урааа! – Братья Дубовы обнялись и с хохотом как сидели, повалились на землю.

– Трендец. Как дети малые. Хватит. Маскировку соблюдайте, ёшкин кот, – буркнул Николай.

– Пусть резвятся. Завтра некогда будет.

Подготовка шла полным ходом. Вещмешки собраны, оружие начищено. Группа ужинала заранее.

– Товарищ лейтенант, почему вы нас заставляете, есть за-долго до выхода? Всегда интересно было. Я бы как раз перекусил и пошёл, – снова начал разговор Алексей.

– Ты уже больше года воюешь и не знаешь?

– Нет. Так вы не объясняли. Дали команду и всё.

– Вот смотри, – стал объяснять Пётр, – при ведении боевых действий солдат находится в активном движении. С полным пузом, особо не побегаешь. И ещё один немаловажный момент в нашем военном деле, подготовить себя к возможному ранению. Если в живот попадут, то для тебя лучше будет, если внутренности пустые. Понял?

– Дошло. Тогда ещё и до ветру сбегая.

– Да уж сделай милость, – с сарказмом сказал командир, – и однополчан с собой возьми, научи их сознательности.

– Научим. Мы не гордые. Пусть пользуются моей заботой, – раскланялся боец, – пошли, Саня.

– Отстань ты. Без тебя разберусь, когда до ветру, а когда по ветру.

– Батяка сказал мне за тобой присматривать, как старшему, – не унимался Алексей.

– Помню я, как он это говорил. Ухо тебе чуть не оторвал

и обещал все жерди из плетня об спину поломать, если плохо воевать будешь. Ты старше на год всего, а старикуеш как столетний.

– Смотри. Перемешает тебе пуля кишки с ...

– Хватит уже. Поужинать спокойно не дали, дурные, – Николай встал и вытряхнул остатки из котелка в стороне – что за тема под руку? Все бы поели, тогда и перемешивайте, что там у вас.

Старший Дубов замялся.

– Я же, как лучше хотел.

– Ладно. Вы лучше приёмы новые изучайте. Нечем фашиста удивить.

– Так я свои приёмы одним и тем же немцам два раза не показываю, – ответил Алексей.

– А вот так сможешь? – Савостин воткнул три ножа в дерево разом.

– Ножи кончились. Что дальше?

В этот же момент рядом в дерево воткнулись топор, сапёрная лопатка и шило.

– Знаем, знаем, что ты умелец в этом деле. Тебя в детстве только этому и научили, – вмешался в разговор дядя Миша.

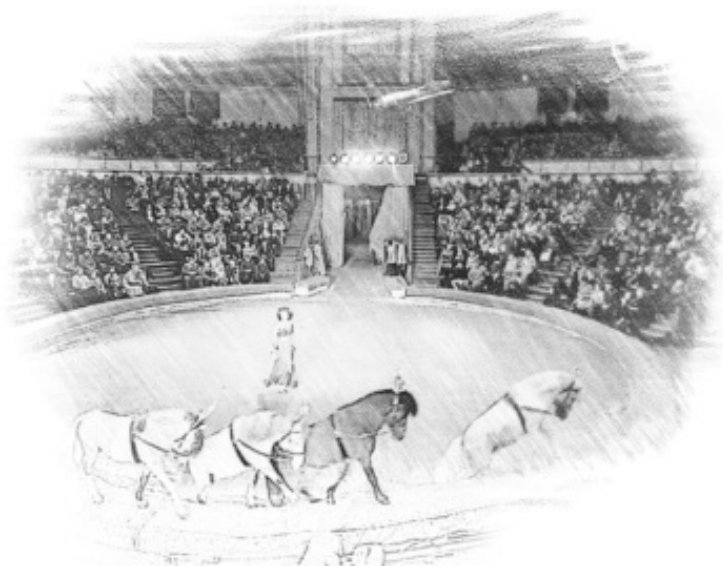
– Почему же? У нас, в цирковой семье было чем заняться. Я с рождения по стране мотался. Вот и находили мне дело всегда, чтобы под ногами не путался. И клетки за животными убирал и плотником и грузчиком при переездах.

– И за слонами тоже чистил? – с хитрым взглядом спросил

Александр.

– Конечно.

– Представляю, сколько эта скотина навалит, – пошутил старший Дубов.

– Всякое бывало. Как подросток, стал ассистировать артистам. Сначала клоунам, а потом и метателю ножей. Я становился к деревянному щиту, а он втыкал вокруг меня всякие острые предметы.

– И в тебя не попадал?

– Попал. Один раз только. После сказал, что не будет больше этот номер делать. Долго его директор уговаривал, а они в какую. Эквилибристикой занялся.

– Что это? – Алексей приподнял шапку.

– Раньше острые предметы в цель бросал, а теперь начал ими жонглировать. Топорами, ножами, пиками. Вот он меня и научил.

– А родители твои кем были в цирке?

– Отец мой был фокусником иллюзионистом. Гудини. Слыхал?

– Да ладно, – выкатил глаза Алексей.

– Нет. Не мой был Гудини, – поправил сам себя Савостин, – хотя номера у него были тоже хитрые. Мама ему ассистировала. Ох, и красавица была. А отец щуплый, как я. Пытались за ней ухаживать всякие. Но она лишь папу любила.

– Молодец. Правильная женщина, – одобрил Тимченко, – а какие фокусы батька твой показывал? Тоже научил чему-нибудь, наверное?

– Естественно. Был номер у него, где он из любых узлов выпутывался. Свяжут ему руки за спиной и в клетку большую сажают. Клетка перегороджена, в одной половине он, а в другой тигр разозлённый бегаёт. Чтобы выйти, надо развязаться и двери открыть. Не успеешь за определённое время, перегородка откроется и трендец.

– Ага, – вмешался Кирилов, – а перегородку дядька от-

кроет только после того как батька твой выйдет. Эффектно, в последний момент, якобы.

– Не угадали. К перегородке привязана гиря на тросе. Гиря на верёвочку подвешена, которую поджигают. Перегорела верёвочка, гиря вниз, а перемычка вверх.

– Ни хрена себе!

– Вот, вот. А для большей сложности руки связывал любой желающий из зрителей.

– Я бы не согласился, – возразил Алексей, – попадётся вражина какая не будь. Да как затянет и съест эта кошара поганая, за здрасти.

– Что же он тебе совсем на голову больной? – рассмеялся Николай, – там хитрости свои имеются.

– Раскрывай секреты, раз уж начал. Не томи, – привстал Александр.

– Всё просто. Давай, связывай потуже, – подставил руки Савостин.

Узлы тянули оба Дубовых. Кряхтели и упирались.

– Всё. Сожрёт тебя тигр.

– Наблюдайте. Проворачиваем, затем вот так нужно заломить, ещё раз проворачиваем. Та – дам! Бурные овации! Дамы бросают чепчики в воздух! – Николай кланялся окружающим, показывая освободившиеся руки.

Все аплодировали, а довольный собой сержант продолжал раздавать реверансы.

– Ловко. Научишь?

– Естественно. В походе пригодится. Идите сюда и смотрите внимательно.

Обучение продолжалось долго. Узлы тянули, как могли, но способ всегда срабатывал. Разные уловки, на которые люди реагируют на подсознательном уровне, тоже вспоминали. Если зевнуть в толпе, то все раззеваются, если заглянуть человеку за спину, будто что-то увидел, то человек обязатель-

но обернётся. Уже к вечеру Пётр стал всех успокаивать.

– Хватит, ещё тигра притащите. Давайте отбиваться. Рано выступаем. До петухов.

– А что с заданием? По делу идём или носом поводить? – с интересом спросил Николай.

– Линию перейдём подальше от всех, там и расскажу. Но могу успокоить. Ничего особенного.

Тимченко прикладывался головой на свёрнутый ватник.

– Это хорошо, а то, как придумают, хрен поймёшь чего. Расхлёбывай потом. Иди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что.

– Нет. Всё как обычно. Спите.

Глава 2

Пришло время. Кирилов подкинул веток в тлеющий костёр и повесил над ним котелок с водой.

– Подъём, доблесть и мужество отечества. Саня, опять слюни пускаешь?

– А что я им сделаю?

– Вставайте быстрее. Чай почти вскипел. Не успеем до

рассвета к окопам немецким, – подгонял Пётр.

Бойцы поднимались. Ещё раз проверяли амуницию и боезапас. Маскхалаты и оружие надеты. Быстро чаю и вперёд.

– Доходим до наших окопов, а дальше, как всегда, на пузе. Всё хорошенько подтяните, чтобы не болталось. Магазины с гранатами тархтеть не должны.

– Не впервой, товарищ старший лейтенант, – ответил Алексей.

Командир подошёл и похлопал его по карманам.

– А почему тогда у тебя всё звякает, будто мелочи в насыпал. Точно, на паперти стоял.

– Я гаечки подбираю, если найду. Так-то, я на тракторе работал. Мелких гаек не сыскать, вот по привычке и складываю, – оправдывался боец.

– Выбросить всё лишнее. Сейчас пойдём и танк тебе у немцев добудем. На нём пахать интересней.

– Мне тогда отдельную нефтебазу надо. Он жрёт, как скотина, – улыбнулся Алексей.

– Глянь на него. Он ещё харчами перебирает, – с сарказмом заметил дядя Миша.

– Всё. Успокоились. За мной.

Командир повёл свою группу в неизвестность. К линии нашей обороны шли между пехотинцами. Солдаты сидели около костров. Кто-то чай пил, кто-то делал самокрутку и делился табачком с товарищами.

– Снова разведку послали, – слышался разговор в сто-

роне, – и эти в одну сторону пойдут. Последнее время, мало кто возвращается.

– Вот. А ты ноешь. Хреново тебе в окопе. Среди своих находишься. Когда вместе и помирать не страшно, а эти в самое пекло пойдут, чтобы ты потом знал в какую сторону стрелять, а не по воронам как обычно делаешь.

– А, что я?

– Да то. Из окопа не высовываешься. Палишь не знамо куда, только патроны портишь.

– Кому же охота дырку в башке?

– Толку от тебя ноль. Вот я о чём.

Группа шла, не обращая внимания на болтовню.

– Всё. На брюхо, – Пётр взглянул в обветренное лицо пехотинца, который поддерживал колючую проволоку штыком трёхлинейки и кивнул в сторону немцев, – погнали. Я впереди. Алексей замыкающий.

Разведчики поочерёдно растворяясь в темноте. Через минуту ничто уже не напоминало о них. В небо с обеих сторон, то и дело, взлетали осветительные ракеты и с недовольным треском падали вниз.

Дошли до немецкой колючки. Кирилов приподнял её двумя, заранее подготовленными палочками и прополз, давая рукой команду действовать аккуратней, замыкаящий опустил проволоку и прикрыл убранные подпорки травой, не оставляя за собой следов.

Темноту рассёк прожектор. Замерли. Луч шарил по округе, выискивая кого – то. Совсем рядом слышалась немецкая речь.

– Всполошились. Вашу мать. Лишь бы собак не пустили, – подумал старший лейтенант.

Лежали, не дыша, уткнувшись лицом в землю, чтобы не отсвечивало. Среди прошлогодней, высохшей травы, маск-халаты отлично выручали. Затаившийся боец даже на кочку не похож. Десять минут мучительного ожидания. Вроде не заметили.

Снова прожектор. Полосонул пулемёт. Пули с диким визгом резали воздух, входили в грунт почти вплотную. Трассера слепили, мелькая прямо перед носом. Вот и конец. Даже не перешли. И снова тишина.

Что это? Просто дали очередь, на всякий случай. Группа вжалась ещё сильнее. Тридцать минут слушали, как немцы разговаривают между собой.

Темнота постепенно начинала рассеиваться. Уже можно было различить очертания деревьев вдали. Командир роты приподнялся на руках и огляделся. Голосов противника не было слышно. От сердца отлегло. Не заметили. Он обернулся, остальные солдаты подползли к Тимченко, который не поднимал голову. Николай скрестил ладони, показывая знак, что Михаил убит. Думать было некогда. Быстро, вчетвером взяли товарища под руки и как можно сильнее пригибаясь, побежали по бурьяну к лесу. Вот они спасительные деревья. Можно остановиться и осмотреться.

– Что с ним? Наглухо?

– Всё. Не дождётся жинка дядю Мишу, – Пётр смотрел на человека, который обучил его всем военным премудростям. Не таким, как на курсах, а реальным, применяемым

на практике. Быстро. Неожиданно. Был и нет. Понятно, что все там будем, но как то, по-другому человек предполагает конец жизни.

– Твою ж мать, – с болью в голосе матерился Николай, – дядька хороший был. Закопаем, никто не узнает, что лежит здесь человек, который родину спасал.

– Да. Всем памятники не поставишь. Дальше от фронта уйдём, там и определимся. Не должно быть немцев вот здесь. Для обороны не удобно, – Кирилов указал место на карте, достав её из планшета.

Михаила Тимченко положили на плащ-палатку и пошли дальше.

Двигались осторожно. Оглядываясь и прислушиваясь.

– Прав был старый вояка. Можно их поступки предугадать, – Пётр остановил отряд, – давайте в разные стороны. Осмотреться надо.

Дозорные разбежались. Командир остался наедине со своим наставником. Ещё раз взглянул в лицо товарища, убрал с него листву и веточки, которые насыпались во время перехода, отряхнул маскхалат.

– Ничего, дядь Миш. Мы им от тебя привет передадим, – сложил Тимченко руки на груди, как положено и накрыл кра-

ями плащ-палатки, на которой он лежал.

– Нет никого вокруг, – доложил Николай.

Группа рассредоточилась в поиске подходящего места для могилы. Хотелось не просто спрятать, а провести, по возможности, человеческие похороны, соблюдая почести, но не выдать всех.

– Вот здесь будет не плохо, – предложил Савостин, – тут холмик. Верхний слой аккуратно снимем, потом им же и накроем. Общий ландшафт не изменится и сухо, светло. Дяде Мише понравится.

– Добро. Искать больше некогда. Саша, Николай, в дозор. У нас задача перенести на карту оборонительные позиции у ближайшей деревни и возможные минные поля рассмотреть, – распорядился Пётр.

Подняли дёрн, аккуратно разрезая его на куски ножом. Затем Алексей начал откидывать землю. Чуть углубившись, он остановился и встал.

– Это непросто холмик. Могила это. Лежит кто-то шинелью накрытый.

– Глянь чей. Чуть разгреби аккуратно.

Шинель прогнила и по ней нельзя, было разобрать принадлежность. Пришлось немного открыть

– Немец это. Вон крест железный на груди. Я такие в Сталинграде видел, – сказал боец отряхивая руки.

– Постой. Дай посмотрю, – старлей подошёл, – да, нет. Георгий.

– Не понял.

– Крест, говорю, георгиевский. Наш. Наверное, с империалистической войны остался. Чуть в сторону копни, рядом положим. Вот так всю землю покрывают. Плечом к плечу. Тут если глубже зарыться, то на следующего солдата наткнёшься, с наполеоновского похода. По сути, каждые сто лет по этим местам, несколько раз войска проходят, с боями. Всегда одним маршрутом, сначала на восток наступают, а потом наши их на запад, домой гонят.

– Товарищ командир, а почему они на нас постоянно кидаются? – задал философский вопрос Алексей.

– Боятся, наверное. Думают, что мы на них нападать собираемся.

– Как это?

– Каждый человек судит о поступках людей по себе. Как бы он в такой ситуации поступил, – попытался объяснить Пётр.

– Вы опять, какими-то словами заумными разговариваете. По-человечески объясните, чтобы я понял.

– Смотри, запираются на все засовы, обычно те, кто сам больше всех наворовал. Или в семье тот больше всех ревнует, кто сам бы не прочь, на лево сходить.

– А война причём? – Не унимался Алексей.

Да притом, что страна наша огромная и богатая, при всей бедности населения. Любой европеец, обладая такими ресурсами, уже давно бы весь мир захватил. Вот они постоянно и ждут, что мы так поступим.

– Вот. Теперь понял. Дурная голова – ногам покоя не даёт.

– Да-да, – согласился Кириллов – сами себе придумывают, а потом, к нам бегут биться, хотя им никто и слова не сказал.

– Что в германии народу так много? Наверное, страна тоже не маленькая?

– Не сказать что бы прямо большая. Они же не сами. Каждый раз вся Европа в кучу собирается.

– Охренеть. Ничего и сейчас вломим. Долго кашлять будут.

– А нам деваться некуда. Как деды наши делали – так и мы будем, – улыбнувшись, сказал Кирилов.

– Крест поставим или звезду из чего вырежем?

– Ничего ставить не будем. Нельзя, чтобы могилу свежую нашли. А надо бы сделать. Дядя Миша крещёный был и крестик носил.

Савостин и второй брат Дубов вернулись из дозора. Пётр заканчивал маскировку.

– Помянуть бы надо.

– Не время сейчас. Назад вернёмся и помянем как люди. Идите все сюда, покажу вам и в двух словах обрисую цель нашей вылазки, – Кирилов достал карту из планшета – вот здесь деревня, примерно в десяти километрах на юго-запад. Нужно приблизиться на расстояние видимости из бинокля. Всё осмотреть и расположение огневых точек запомнить. Я потом на карту перенесу. Ещё один момент. Здесь, по тылам с инспекцией и новыми распоряжениями, курсирует какой-то, новый военный инженер. Умный и хитрый, зараза. Если заметим что-то подобное сопровождению, то надо будет доложить, а они там пусть разбираются. Главное нам не засветится, а то и помянуть дядю Мишу некому будет. Сейчас на марш. Ближе к точке назначения, привал и по одному в дозор. До темноты общее наблюдение, а на следующий день записывать весь распорядок дня противника, кто куда,

во сколько уходит. Немцы народ педантичный, у них каждый день друг на друга похож. Это нам в помощь. Глядишь, и до Берлина дойдём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.